

ГОРНЫЙ ДУХЪ.

I.

...Мы поднимались косогоромъ. Справа—лохматые кедры и сосны, слѣва—глубокій провалъ горнаго ключа. Впереди изъ-за перевала виднѣлись голые черепа дымящихся бѣлковъ. Воздухъ—сырой, осенній. Проплывшій передъ нами туманъ обмочилъ и сосны, и траву, и сѣрые лишайные камни, и отъ прикосновенія къ нимъ одежда покрывалась водой; было холодно, почти морозно.

Чѣмъ дальше, тѣмъ круче становился подъемъ. Кони уставали. Они поминутно останавливались, фыркая и задыхаясь; отъ усталости дрожали и хватали голодными ртами траву, шумно жуя ее и звеня удилами. Но до вершины большого перевала, куда мы ѣхали, было еще далеко. Чувствовалась осень—мокрая, сѣрая, холодная, и гнала все живое въ берлоги, норы и камни.

Солнце свѣтило намъ прямо въ лица. Потомъ оно опустилось за щетинистый, поросшій густымъ лѣсомъ переваль, и ущелье, по которому мы поднимались, тотчасъ же наполнилось сплошной колеблющейся тѣнью.

Учитель Иванъ Прокофьевичъ и я отстали отъ охотниковъ и, продрогшіе, молчали. Братъ Павелъ ѣхалъ съ охотниками. Они ѣхали гуськомъ, какъ и мы, и такъ же нахохлились, скрючились, точно мокрые грачи.

На небольшой прогалинѣ охотники остановились, привязали къ березкѣ лошадей и стали снимать изъ-за плечъ винтовки. Винтовки ихъ были большепульки, тяжелыя и длинныя.

— Далече!—равнодушно пробасилъ Феопень указывая вдаль, гдѣ на сухарѣ сидѣлъ глухарь, черный, какъ обожженная чурка.—Сажонъ ста съ полтора будя, а ближе не откуда подойтить. Ужо пальну!

Онъ поставилъ винтовку на рожки, сѣлъ на корточки и поцѣлился съ минутой; потомъ поднялъ курокъ, осмотрѣлъ пистонъ и снова приложился. Теперь онъ цѣлился дольше, минутъ пять.

По горамъ покатился выстрѣлъ, точно кто-то большой сдвинулъ камни, и они посыпались въ пропасть.

Глухарь сидѣлъ.

— Фу, ты, лихоманка!.. Все бросаетъ,—выругался Феопень, осматривая курокъ винтовки и смигивая слезы.—У кузнѣ былъ, исправлялъ, а — нѣтъ... въ фишку пороховъ бросаетъ.

Такъ же неудачно стрѣлялъ Климка: потомъ стрѣляли Павелъ, учитель, но глухарь сидѣлъ на суку сухары и вертѣлъ головой.

Снова по разу стрѣляли всѣ. Въ третій разъ, когда цѣлился и жмурился, смигивая слезы Феопень, глухарь тяжело бросился съ сука внизъ, замахалъ крыльями и полетѣлъ куда-то въ горы.

— Во!—удивился Климка, слѣдя за глухаремъ. — Выдумалъ: сидѣлъ, сидѣлъ и полетѣлъ.

Тутъ же Климка увидалъ бѣлку. Она сидѣла на ближней соснѣ, прижавшись брюшкомъ къ стволу и закинувъ на спину хвостъ. Климка подошелъ и убилъ ее первымъ выстрѣломъ.

— Не та попалась!—сказалъ онъ, поднимая ее съ земли и ввязывая за головку въ тороки.—Желтая, совсѣмъ желтая, да по домашности уйдетъ, куды.

— Что такое:—„не та попалась“?—спросилъ я Климку.

— А лучше звѣрь поидетъ... еще убивать будешь. Радоваться—когда убьешь, хвастаться, али смѣяться тоже не надо... Примѣта такая. Какъ убьешь — говори: не та попалась.

Собрались и поѣхали дальше.

Сталъ окутывать полумракъ, а вмѣстѣ съ нимъ изъ-за перевала навстрѣчу намъ выползало черное, захватывающее

все небо чудовище и постепенно скрывало вершины горъ -- выползали тучи.

Впереди Климка что-то крикнулъ, показывая въ сторону рукой. Я взглянулъ туда. Тамъ висѣлъ мракъ. Но, всматриваясь, я замѣтилъ, что въ полугорѣ мракъ освѣщался какимъ-то постороннимъ слабымъ, бѣловатымъ свѣтомъ. То шелъ снѣгъ.

Дунуль вѣтеръ, — теплый и покойный, и въ немъ замечались, какъ бѣлыя бабочки, крупныя махровыя снѣжинки.

Далеко внизу, на равнинахъ было ведро и тепло. Крестьяне убирали хлѣбъ.

Передъ глазами пружился темный, сплошь вышитый бѣлыми мотыльками, коверъ. Коверъ стлался по землѣ и дѣлалъ ее мягкой, бѣлой и холодной. По временамъ казалось, что лошадь моя идетъ по воздуху. Я задремалъ и, покачиваясь на сѣдлѣ, вспоминалъ городъ съ его отравленнымъ воздухомъ, съ суетой движенія, шума, крика. Вспомнилъ Нину и Большую улицу вечеромъ, залитую огнями электричества. Послѣдній вечеръ на берегу рѣки, когда прощался съ Ниной и ея подругой Лизой Шейкиной.

— Четыре мѣсяца, четыре мѣсяца! — говорила Нина. — Очень долго. Но за то вы тамъ поправитесь и будете такимъ си-ильнымъ, то-олстымъ.

— Да, да, — отвѣтилъ я, пожимая ея руку. — Сильнымъ, толстымъ... Но мнѣ хотѣлось бы отдохнуть не только физически, а и духовно!..

— Какъ? Въ ваши то годы?!

Она широко раскрыла глаза.

Я рассказалъ ей, какъ тяжело служить на телеграфѣ, какъ скоро тамъ можетъ вывѣтриться мозгъ и чуткость, и какъ расшатываетъ нервы чиновничья обыденщина.

Она смотрѣла на меня все тѣми же глазами, и въ нихъ свѣтилась любовь. Мнѣ показалось, что она будетъ любить меня еще сильнѣе, когда я буду далеко.

Я взглянулъ впередъ, но ничего не видѣлъ, кромѣ однотонной бѣлой и пухлой массы кругомъ. Голова кружилась, точно у пьянаго.

И казалось, что лошадь не шла, а только перебирала ногами и на одномъ мѣстѣ покачивала меня, какъ въ зыбкѣ.

— А гдѣ же спутники?

Опять сталъ вглядываться впередъ, но тамъ стлался бѣлый туманъ. И вдругъ отчетливо и ясно мнѣ представилось, что я сбился съ тропинки, свернулъ вправо и ѣхалъ уже не кверху, какъ должно быть, а по какой-то ровной и гладкой полянѣ. Представилось, что въ концѣ этой поляны зияетъ пропасть, что я сорвусь въ нее и, расшибаясь о камни вмѣстѣ съ лошадью, утону въ бѣлой пучинѣ снѣговъ.

Я крикнулъ. Голосъ мой замеръ: нигдѣ не откликнулось эхо. Я почувствовалъ себя одинокимъ, отшибленнымъ отъ людей и остановился. Потомъ повернулъ лошадь и хотѣлъ ѣхать туда, гдѣ, по моему, должна быть тропинка. Но въ это время, шагахъ въ двухъ противъ меня заколыхалось какое-то темное расплывающееся пятно, и я услыхалъ голосъ брата.

— Чего кричишь?.. Я думалъ — Богъ знаетъ что случилось съ тобой..

Я разсказалъ ему о моемъ страхѣ.

— Дурень! Да развѣ лошадь отстанетъ отъ лошадей. У нея иллюзій нѣтъ, какъ у тебя... Мы всѣ-то ѣдемъ—не видимъ другъ друга.

— Гдѣ же мы теперь?

— На перевалѣ. Скоро переѣдемъ на ту сторону и остановимся. Ты—замерзъ?

— Да.

Только въ это время я почувствовалъ, какъ мнѣ было холодно: ноги въ колѣняхъ околѣнѣли, пальцы рукъ не гнулись, а зубы скрипѣли и лязгали.

— Приѣдемъ—обсохнемъ,—сказалъ Павелъ.—Чай начнемъ варить, водки выпьемъ... Я двѣ бутылки захватилъ съ собой.

Вскорѣ услышали голоса нашихъ проводниковъ и тотчасъ же вѣхали въ темный и тѣсный корридоръ, гдѣ не было вѣтра. Павелъ шаркнулъ по коробкѣ спичкой и на мгновеніе ярко освѣтилъ съ одной стороны уходящую въ

небо темно-сѣрую скалу, а съ другой—громады развѣсистыхъ и мощныхъ сосенъ.

— Тутъ ночуемъ?—спросилъ Павла Феопень.—По близости лучше мѣста не найтить.

— Тутъ, такъ тутъ!—пробасилъ Павелъ.

Нѣсколько минутъ мы съ учителемъ держали лошадей; Клипка и Феопень таскали валежникъ, сухіе сосновые сучья и хвою. Въ темнотѣ и вблизи они казались какими-то рогатыми призрачными чудовищами и то появлялись, то исчезали въ глубинѣ бѣлаго мрака.

Вскорѣ Павелъ разжегъ костеръ посреди полянки, и мы съ учителемъ бросились грѣться. Проводники, разсѣлавъ лошадей и стаскавъ въ глубокую нишу скалы сѣдла и сумы, ушли разыскивать воду. Они не продрогли и смѣялись надъ нашей хилостью.

Когда стало тепло, и студеная дрожь перестала мучить мое тѣло, мнѣ почему-то сдѣлалось вдругъ радостно, и я засмѣялся.

Я лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ вверхъ на бѣлое молочное небо, бездонно-глубокое и сливающееся съ ночью, и на зеленые кудрявые сучья сосны, шатромъ раскинувшіеся надъ костромъ. На нихъ таялъ снѣгъ, тяжелыми каплями падалъ на землю и шипѣлъ на красныхъ угольяхъ костра. Густой черный дымъ путался въ ихъ кудряхъ, рвался и, терзаемый изъ-за скалы вѣтромъ, мчался тамъ, высоко, гдѣ бѣлая пелена свѣта и снѣга сливалась съ ночью—куда то въ сторону, тая и исчезая во тьмѣ.

Товарищи о чемъ-то спорили. Я слушалъ ихъ, но не понималъ.

Въ дыму и снѣгу мнѣ чудились какія-то лица, фигуры, морды животныхъ. Все это вертѣлось, падало, скользило, стремилось въ сторону.

Я побоялся уснуть и сѣлъ. Противъ меня торчали лошадиныя морды съ уздечками и слезящимися отъ снѣга глазами. Это были наши кони. Они устали и отъ усталости

кивали головами, отвѣсивъ нижнія губы, какъ плохіе, старые карманы.

— А я говорю,—кричалъ Павелъ,—что жизнь городовъ, это туберкулезъ, гдѣ хозяйева ея, работая палкой теоретической морали, бьютъ душу, истощая ея силы; и, ковыряясь въ гнилыхъ трупахъ самоубійцъ, выброшенныхъ самой жизнью за бортъ права на существованіе,—плодятъ заразу и разложеніе человѣческаго тѣла... Вся ваша цивилизація—нарывъ!..

— Ну, это, знаете...—давалъ реплику Иванъ Прокофьевичъ.

— Что, знаете?.. Я люблю въ цивилизаціи борьбу отдѣльныхъ избранныхъ!.. Но пусть они не уходятъ отъ природы! Пусть здѣсь выковываютъ крѣпкія натуры!

— То-есть: замуровать себя гдѣ-нибудь въ горахъ и увеличить племя дикарей?.. Хе, хе...

— Зачѣмъ смѣяться?.. Ты вникни въ сущность, въ содержаніе...

Мнѣ надоѣло слушать ихъ споръ, который могъ затянуться на всю ночь. Я снова легъ на спину, подвернувъ подъ голову руки, сталъ думать объ охотѣ, но мысль нарисовала Нину, цвѣтущее лѣто; я лежу въ сочной травѣ на солнпекѣ и слушаю ея голосъ, мягкій, мелодичный. А надъ головою жужжать пчелы, въ травѣ трещать кузнечики, свистять не то насѣкомыя, не то „кошечки“; гдѣ-то глубоко въ долинѣ шумитъ рѣка и катитъ точеные ею же камни... Но это иллюзія: надъ головой шумитъ осенній вѣтеръ, качая верхушки сосенъ, трещитъ и свиститъ костеръ, грѣя мое тѣло... Осень...

Я уснулъ, но вскорѣ же проснулся внезапно, точно кто толкнулъ меня въ бокъ. Я оглядѣлся. Всѣ сидѣли кружкомъ въ сторонѣ отъ костра и пили водку изъ грязной деревянной калмыцкой чашечки.

— Выпей—теплѣе будетъ,—сказалъ Павелъ протягивая мнѣ чашечку.

Я взялъ и выпилъ.

— Знаешь: вѣдь мы на медвѣдя собираемся,—сообщилъ онъ мнѣ.—Рано утромъ въ Чортову яму поѣдемъ.

— И я съ вами?

— Ну, нѣтъ!—Дудки-съ! Вы съ Иваномъ Прокофьевичемъ останетесь здѣсь на рябчиковъ... А то испортите намъ всю обѣдню...

Мы съ учителемъ переглянулись.

Помолчали. Стали пить чай, пахнувшій дымомъ и калмыками; но несмотря на это, пили его много и долго.

— Феопенъ вѣдмежать однова привезъ оттуль,—проговорилъ Климка.—Трехъ вѣдмежать. Такіе чудные были. Смѣхъ... Расскажи-ко, Феопенъ.

— Привезъ — извѣстно! — сказалъ Феопенъ. — Только страху натерпѣлся на всю жисть. Оно вотъ какъ дѣло было, — обратился онъ къ Павлу. — Осень была такая же ненастная, да сырая... Поѣхалъ это я одинъ — козловать; заѣхалъ вотъ сюда же, ночевалъ, а утромъ и вздумалъ въ Чортову яму: козлы тама тоже есть, а пуше на вѣдмеда поманило, — берлогу дескать ищеть таперя... Ну, поѣхалъ, спустился въ „Каменныхъ воротахъ“, по щелѣ коня провель въ поводу...

— Туда только одна дорога—черезъ „Каменные ворота“, — сказалъ Климка: — опричь ихъ ни заѣхать, ни выѣхать изъ Чортовой ямы.

— Дорожка одна,—продолжалъ Феопенъ. — Вотъ, значить, веду коня, оглядываюсь, слѣдки примѣчаю—никого. Взлѣзъ опять въ сѣдло — отправился въ вершину ключа. Пріѣхалъ, привязалъ коня—и на солонцы, что приманиваемъ козловъ. Смотрю—ни слѣдочка. Посыпалъ соли и думаю: есть вѣдмедь—козлы убѣгли! Ножикъ попробовалъ на палецъ, ружье осмотрѣлъ—ладно. Айда въ кедровникъ. А кедровникъ тута суплошно—густой, потому тамъ никто не бьетъ орѣха и не портить, значить, лѣса. Захожу въ середину. Присталъ. Сѣлъ на колодину, отдыхаю. Вдругъ слышу, гдѣича тутъ кто-то: мур... мур... мур... — и сучки трещать. Вотъ я смотрѣть. Винтовку изготовилъ, глазами подъ всякую колодину заглядываю—нигдѣ ничего. А все: мур... мур... мур... Вѣдмежата! Страхъ пронялъ. Думаю, а какъ вѣдмедь съ самой тута?.. Хотѣлъ было попятиться, а она, проклятушая, сама-то, и узоръ меня, ды ка-акъ закры-

читъ, ажно лѣсъ раскололся. Ну, че?—Двѣ смерти не будетъ—одной не миновать, а въ попытку не годно. Эхъ, что будетъ то и будь!..

Феопенъ окинулъ насъ взглядомъ, помолчалъ немного и продолжалъ:

— Прицѣлился въ нее—она шагахъ въ десяти была,—руки дрожатъ. Вдарилъ. Вздрыгнула вѣдмежиха, да на меня. Пропалъ, думаю: не душевередно вдарилъ. Подбѣжала она къ колодинѣ, стала на заднія лапы, да:—«Аааа!» Ну—лѣсъ колется! И я тоже: «Аааа!». Стоимъ, кричимъ и руками машемъ.—А смѣлыхъ тоже боится звѣрь; звѣрь, звѣрь, а боится, не подступаетъ. Кричали мы долго. Вдругъ вижу—покачнулась она и на всѣ ноги—хлестъ. Опять встала—опять хлестъ. Пуля долить, думаю, а самъ все кричу и руками машу. И правда: пуля начала долить ее. Пошла она отъ меня, шатается; потомъ побѣжала—и такъ и скрылась... Зарядилъ скорѣйша ружьишко, да за нею. Только перелѣзъ черезъ колодину, гляжу—вѣдмежата! Три! Сидятъ всѣ по собачьи и смотрятъ на меня, жмутся. Некогда за вѣдмежихой:—на самого, молъ, нарвусь,—схватилъ чертеняточекъ, да къ коню; тамъ ихъ въ сумы и домой... Выраститъ всѣхъ, да, проклятые, шалить стали,—задавилъ.

— Ну, а медвѣжиха?—спросилъ Павелъ.

— А что она? Пропала. На той же недѣлѣ поѣхалъ искать ее—нашелъ. Восемнадцать четвертей шкура была... Не угадала пуля-то въ сердце—мимо угодила, а все-таки издолила.

— А, поди, страшно было?

— Куды-ы тамъ! Чуть не огадился!.. Натерпѣлся страху!..

Стали рассказывать другіе случаи охоты. Водка сдѣлала насъ бодрѣе: не чувствовалось ни усталости, ни холода. Костеръ пылалъ, мечя каскады искръ въ поблѣвшее небо; въ сѣрой золѣ кипѣли капли таявшаго вверху снѣга. Съ которой-то стороны изъ-за горъ всходила луна; ни тумана, ни тучъ уже не было. Блѣныя звѣзды, какъ серебряныя снѣжинки, висѣли подъ небомъ и, мигая, смотрѣли на заснувшія горы. Пересталъ дуть и вѣтеръ. И когда мы замолкали на минуту—слышались какіе-то странные, непо-

нятные звуки горъ. Гдѣ они рождались и гдѣ умирали—понять нельзя: медвѣдь ли то ломаетъ сучья, козелъ ли прыгаетъ черезъ пропасти, вершины ли сопокъ шевелятся во снѣ и дышутъ, или старые кедры сказываютъ сказки былого?..—Кто знаетъ?..

На свѣту я проснулся первымъ. Луна, полная, бѣлая и блестящая, плыла по небосклону и серебрила снѣжныя горы. Стоялъ морозецъ. Снѣга подернулись ледкомъ, ломались подъ ногами, какъ тонкія, хрупкія стекла, и звонкими серебряными шапками висѣли на сучьяхъ.

Я вышелъ на поляну, потомъ взобрался на скалу, пріютившую насъ и сталъ всматриваться въ даль. Востокъ блѣднѣлъ. И та сторона, откуда должно было подняться солнце, мнѣ все казалась западомъ, и я долго не могъ привыкнуть къ окружающей обстановкѣ. Далеко во всѣ стороны едва замѣтно виднѣлись волны горъ. Мѣстами изъ долинъ, гдѣ жили люди, поднимался дымокъ, растворялся въ сизомъ предутреннемъ воздухѣ—и опять вздымался. Прямо около насъ чернѣлъ широкій, замкнутый со всѣхъ сторонъ бѣлками провалъ. Это была Чортова яма. Отъ нея вѣяло какой-то щемящей жутью и тоской; тамъ была громадная многоверстная долина, заросшая дѣвственными лѣсами, тамъ рождалась шумливая съ красивымъ водопадомъ рѣчка; тамъ жили медвѣди, козлы и рыси—вольно, по домашнему.

И вдругъ мнѣ показалось, что я живу одинъ въ этихъ молчаливо-угрюмыхъ горахъ: кругомъ ни души, природа спитъ, какъ спитъ все живое, враждующее съ человѣкомъ. И еще казалось, что кто-то стоитъ у меня за плечами и шепчетъ въ ухо:

— Дай время—все это проснется, встрепенется: запоетъ тысячами голосовъ лѣсъ, и горы откликнутся ему эхомъ. Звѣри сдѣлаютъ новыя тропы на свѣжемъ снѣгу, птицы встряхнутъ кудрявыя вѣтви лѣса, а солнце—теплое и лучистое—ласково поцѣлуетъ землю и улыбнется горамъ...

— Хорошо!—Эхъ, если бы рядомъ со мною стояла Нина и смотрѣла туда, куда смотрю я, и думала бы то, что думаю

я!.. Тогда я еще острѣе бы почувялъ эту дикую величавость, красоту и волю, силу и радость!..

Разсвѣтало. Я сошелъ внизъ будить товарищей.

Но они уже поднялись. Климка сѣдлалъ лошадей, Феопень ушелъ за водой, а Павелъ и учитель разжигали костеръ.

Занялся день, свѣтлый и теплый, какъ лѣтомъ. Всѣ были веселы и бодры и ждали удачной охоты. Смѣялись и острили надъ вчерашней слякотью:

— По снѣжку-то теперь каждого сморчка выслѣдишь. Жаль, собакъ не взяли,—говорилъ Павелъ.—Что-то скажетъ намъ Чортова яма?

— А мы съ Костей козловъ нахлещемъ,—хвалился учитель,—горностаевъ, бѣлокъ,—и подмигнулъ мнѣ.

Черезъ полчаса они уѣхали, оставивъ за собой тоненькую тропинку на свѣжемъ снѣгу.

Изъ-за дальней вершины поднялось багрово-пурпурное солнце и яркой позолотой залило лѣса и горы. Подъ его лучами начали оживать и шевелиться сосны: съ нихъ падалъ снѣгъ, сучья вздрагивали и махали кудрявыми вѣтвями.

Мы съ Иваномъ Прокофьевичемъ взяли ружья, захватили кодакъ и отправились туда, на ближнюю безлѣсную гору.

Вершина ея, по нашему расчету, была не дальше полутора верстъ; но вотъ мы сдѣлали версты двѣ отъ стана, а она все еще казалась въ такомъ же разстояніи, какъ и сначала. Мы свернули въ лѣсъ. Въ лѣсу присѣли, выкурили по двѣ папироски и разошлись въ разные стороны.

Я безразлично шелъ впередъ, ни о чемъ не думая: вертѣлъ головой, видѣлъ снѣгъ, сосны, небо, оголенные камни. Казалось, что въ головѣ кто-то сидѣлъ, стригъ мои мысли и сорилъ ихъ по дорогѣ. Было легко и приятно. Съ дерева на дерево прыгнула желтая бѣлка, махнувъ по воздуху пушистымъ хвостомъ. Я долго смотрѣлъ на нее, кажется что-то говорилъ ей, и когда она замѣтила меня, то сдѣлала въ гущу лѣса два прыжка и пропала безслѣдно. Потомъ увидѣлъ горностаю. Маленькій, бѣленькій, пухленькій, онъ бѣгалъ по снѣгу, нырялъ въ узенькія норки и снова выбѣгалъ. Въ

зубахъ его была сѣренькая мышъ. Мышь, повидимому, была уже задавлена; такъ какъ онъ иногда оставлялъ ее одну на снѣгу и дѣлалъ около нея кружки. Я приложилъ къ плечу ружье и выстрѣлилъ.

Въ горахъ разсыпался грохотъ эха и долго не замиралъ въ отдаленныхъ сопкахъ. Горностаи присѣлъ, опустилъ на снѣгъ головку; около шейки у него показалась тоненькая, аленькая струйка крови и спряталась въ снѣгу.

Я не могъ понять, что руководило мною тогда, когда я цѣлился въ звѣрка и нажималъ спускъ, но когда увидалъ его мертвымъ, мнѣ стало жаль звѣрушку. Но я все-таки взялъ его, и привязалъ на ремешокъ къ опояскѣ.

Вскорѣ горы рассѣяли меня, и я забылъ о горностаѣ.

У каменистой прогалины изъ-подъ ногъ я вспугнулъ стаю рябчиковъ, взвелъ курокъ и, не цѣлясь, выстрѣлилъ въ улетающій табунокъ. Одинъ изъ рябчиковъ упалъ, ударился о камень и покатился по снѣгу въ яму. Я нашелъ его, привязалъ рядомъ съ горностаемъ и уже бодро, улыбающійся, зашагалъ дальше, зорко высматривая дичь.

Недавняя жалость смѣнилась жаждою — побольше настрѣлять.

Невдалекѣ, съ небольшими промежутками раздались три выстрѣла.

Я присѣлъ на выступъ камня, около кустовъ рябины, и сталъ ждать дичи со стороны выстрѣловъ. И въ тотъ моментъ, когда я началъ прислушиваться къ глухому, точно подземному гулу горъ и лѣса, надъ головой у меня что-то завожилось, защелкало и посыпало снѣгъ и иглы сосенъ. Я привсталъ и началъ всматриваться въ гущу вѣтвей, судорожно сжимая прикладъ ружья. Всматривался долго. Обошелъ кругомъ сосну и, наконецъ, увидѣлъ большую хохлатую голову съ огромными выпученными глазами, безцѣльно устремленными въ зелень вѣтвей. Это былъ филинъ. Онъ прятался за толстыя сучья, и я видѣлъ лишь его хохлатую голову. Я прицѣлился и уже хотѣлъ нажать спускъ, какъ вблизи отъ меня встряхнулись мелкіе кусты, треснули сучки, и на открытую полянку выбѣжалъ бурый, съ пушистымъ хвостомъ, звѣрь, похожій на собаку.

— Лисица! — метнулось у меня въ головѣ, и съ судорожной поспѣшностью я стрѣлилъ звѣря вдогонку.

Промажнулся. Пуля борозднула по снѣгу ниже ея слѣда и шлепнулась въ камень. Филинъ, какъ чурка, скатился по сучьямъ чуть не до земли, замахалъ крыльями и улетѣлъ въ чашу.

— Будь ты проклятъ! — злобно выругался я и бросилъ ружье въ снѣгъ.

Была какая-то обида, и я долго не могъ помириться съ этой неудачей.

Душа моя, издерганная городомъ, насторожилась, вылъзла изъ тѣснаго чехла и всякій шорохъ горнаго царства воспринимала по своему. Мнѣ казалось, что горы живутъ. Я слышалъ это сквозь легкую, зыбкую дремоту. Слышалъ, какъ ласково-спокойное солнце обнимало мое уставшее тѣло упругими свѣтлыми лучами, пронизывая вѣки глазъ и рисуя въ глухой перспективѣ ихъ розовый безконечный фонъ; слышалъ, какъ темной ночью подъ моей головою пѣла земля; какъ звенѣлъ воздухъ, напоенный тысячами голосовъ живого горнаго міра. Все это плыло, забывалось, рождалось и повторялось снова въ пестротѣ неуловимыхъ варіацій. Горы рисовали мнѣ жуткія и странныя картины.

Вонъ что-то на скалѣ шевелится и расправляетъ широкія лапы, похожія на крылья летучей мыши. Вотъ оно прыгнуло, полетѣло и, зацѣпившись другими маленькими лапками за сукъ сосны, повисло надъ моей головой. Что это?... Ахъ, да—это летяга!... Нѣтъ, не летяга. Это филинъ, который смотрѣлъ на меня изъ за сучьевъ и вертѣлъ головой, когда я цѣлился въ него. У него такіе-же большіе выпученные глаза, какъ у того. Теперь они смѣются и плачутъ. Почему они. одновременно смѣются и плачутъ, я не знаю, но знаю, что это такъ надо. Филинъ виситъ на одной лапѣ, внизъ головой, а подъ нимъ, въ свѣтломъ буйномъ ключѣ, снуютъ маленькіе серебристые хайрузки и клюютъ его перья... Тутъ-тукъ!... тукъ-тукъ-тукъ!... тукъ!... Нѣтъ, это не дятель. Ахъ, да! Вѣдь это Нина телеграфируетъ мнѣ... это виситъ телеграфъ, а отъ него въ безко-

нечную даль бѣгутъ проволоки, проволоки... Онѣ развертываются съ кедра и бѣгутъ...

Мнѣ вдругъ становится скучно, что изъ кедра дѣлается телеграфный столбъ, и я беру ружье и стрѣляю въ изоляторъ... Все рушится, падаетъ; раскатъ ужасающаго грома прокатывается по небу; блещутъ молніи—черныя, красныя, синія... Нѣтъ, это не громъ, а сыплются камни съ горъ и гонятъ птицъ, звѣрей, рыбъ куда-то внизъ, въ Чортову Яму... А вершины горъ разрываются, и въ ихъ жерла бьютъ огненные фонтаны смерти... Смерть! Но вотъ по невспыхнувшимъ еще вершинамъ горъ ѣдетъ на бѣломъ конѣ богатырь и улыбается. Онъ не боится смерти, и радуется тому, что гибнуть русскія деревни.. На немъ шелковая на лисьемъ мѣху широкорукая съ флястиками шуба, въ рукахъ плетъ, а лицо точь въ точь такое-же, какъ у калмыка Тышкилки. Да вѣдь это онъ—мой другъ! Онъ подѣзжаетъ ко мнѣ на танцующей бѣлой лошади, топотъ ногъ которой походитъ на топотъ десятка лошадей... Богатырь громко кричитъ, такъ, что иглы сосенъ трепещутъ и падаютъ на мое лицо:

— Вставай!... Смотри—медвѣдя привезли!... Эй! эй!...

Я открылъ глаза. Была ночь—темная, звѣздная и вверху дулъ вѣтеръ, качая кедры.

Около меня стояла совсѣмъ черная, какъ чернила, громада лошади и на ней—человѣкъ. Кто это?

— Засони!—радостно кричитъ Павелъ съ лошади.—Смотрите-ка, что привезли!

Около пылающаго костра Климка и Феопень растягиваютъ огромную бурую шкуру медвѣдя и мѣряютъ ее четвертями, раздирая пальцы рукъ.

— Девятнадцать!—ликующе крикнулъ Феопень.—Ровно девятнадцать! Вотъ—медвѣдина!..

Павелъ досталъ бутылку водки и сталъ всѣхъ потчивать изъ калмыцкой чашечки. Казалось, у насъ былъ праздникъ, всѣ радовались ему.

Шкуру медвѣдя свернули въ громоздкій, пышный комъ, и Павелъ сѣлъ разсказывать о томъ, какъ убили медвѣдя.

— Предъ тобой!—говорилъ онъ:—спускаясь въ Чортову

Яму, я думалъ, что охота на медвѣдя—это, что-то сложное, гдѣ требуется много тактики, умѣнья и времени, самое главное—времени, и никакъ не думалъ, что все такъ скоро. Медвѣдь!—вѣдь вонъ это что!... А тутъ—просто. Только спустились въ Яму, заѣхали въ кедрачъ, глядь,—поперекъ нашего пути слѣды: лапы такія громадныя, точно человѣкъ въ обуви прошелъ. Мы—съ лошадей, приготовились, пошли за нимъ. Я патроновъ припасъ въ карманъ, чтобы не возиться съ патронташемъ. Смотрю на Феопена—онъ блѣдный: труситъ, думаю, а Феопенъ спрашиваетъ меня: „что помучилъ? Боязно?“... Идемъ. Смотримъ: куча какая-то наворочена, снѣгомъ запорошена, а подъ нее лазея. Берлога! Ну, братцы!.. Усовѣтовались, какъ и что, и я первый прямо въ берлогу—бацъ! Какъ онъ тамъ рывкнетъ, завожжется и на насъ. Феопенъ—бацъ! потомъ—я, потомъ Клипка, опять я, Феопенъ. Шесть пуль всадили,—всего изсѣкли. Смотримъ: палъ и Богу душу отдалъ. Подождали, и когда окончательно убѣдились, что онъ издохъ, поѣли и стали снимать шкуру... Вотъ и все. Но мнѣ, ей-Богу, ду-малось, что такъ легко и просто не должно быть!..

Долго потомъ рассказывали о томъ же Феопенъ и Клипка. Подъ ихъ веселую воркотню я снова задремалъ и вскорѣ-же, сквозь полусонъ, увидалъ темнаго, крѣпкаго человѣка, тихо сползающаго съ отвѣсной скалы. Его странно-неподвижныя губы шептали:

— Я—Духъ Горы! Я—Духъ Горы!..

Но онъ почему-то вдругъ смутился, виновато улыбнулся мнѣ и, пристыженный моимъ равнодушіемъ, кувyrкаясь, скатился подъ гору...

II.

Послѣдніе дни отпуска я жилъ въ городѣ.

Пріѣхалъ я здоровымъ и бодрымъ и на вѣснѣ смотрѣлъ глазами новаго человѣка. Я вспоминалъ свои поѣздки въ горы верхомъ на красивомъ рыжемъ иноходѣ Павла. Въ Павла я теперь влюбился. Раньше, когда онъ жилъ въ городѣ, я почти не интересовался имъ. Онъ казался теперь

инымъ, непонятнымъ мнѣ. Все въ немъ — движенія, говоръ, мысли — меня влекло къ нему и дѣлало его особенно — простымъ и сильнымъ.

Но все время, что бы я ни дѣлалъ, гдѣ бы я ни былъ, мнѣ казалось, что я гдѣ то, что то забылъ или утерять. Временами, когда я оставался одинъ или ложился спать, я усиленно думалъ объ этомъ, напрягая мозгъ до головной боли, и всѣми силами памяти старался вспомнить это забытое или утерянное.

Въ день моего пріѣзда въ городъ погода стояла бурная: дулъ вѣтеръ, по улицамъ стлалась поземка, и было похоже на то, что кто-то невидимый стлалъ по тротуарамъ и улицамъ тонкія газовыя ткани. Мнѣ не хотѣлось сидѣть въ комнатѣ, читать книги и слушать скучные рассказы о городскихъ новостяхъ, и я вышелъ на Большую улицу. Было около двухъ часовъ. Посидѣвъ у магазина купца Зулина, я отправился къ гимназіи и, ходя взадъ и впередъ, сталъ ожидать Нину.

Вскорѣ она вышла и, замѣтивъ меня, вся зардѣвшаяся, радостная, своей подпрыгивающей легкой походкою подошла ко мнѣ и сжала тонкими пальцами мою руку.

— Наконецъ то привелъ Богъ, — сказала она смѣясь. — А я ужъ думала, что васъ задавило въ горахъ снѣгомъ, или вы женились тамъ...

Мы шли съ нею навстрѣчу вѣтра. Въ ея волосы около ушей набивалась снѣжная пыль, живописно серебря ихъ. Глаза блестѣли; на щекахъ игралъ румянецъ. Она, звонко повѣствуя о своихъ занятіяхъ въ послѣдніе четыре мѣсяца, между прочимъ, рассказала мнѣ, какъ за нею въ театрѣ ухаживалъ молодой офицерикъ Стрѣльницкій, и какъ онъ просилъ у нея разрѣшенія выпрыгнуть, изъ любви къ ней, въ окно или застрѣлиться казеннымъ револьверомъ.

— Такой смѣшной и такъ глупо корчитъ изъ себя стариннаго бреттера... Ахъ, да! я совсѣмъ забыла сказать вамъ интересную новость. Шейкина то!..

— Что?

— Сбѣжала!

— Какъ — сбѣжала?

— А просто. Сѣла на пароходъ съ артистомъ Вольскимъ,—знаете, еще молоденькій такой, смазливенькій,—и фюйтъ!—Укатила! Отецъ и мать ѣздили искать ее. Нашли, но она не поѣхала обратно. Говорятъ, учиться хочетъ драматическому искусству.

— Да, вѣдь, онъ обманетъ ее,—сказаль я безразлично, чтобы поддержать разговоръ.

— Безъ сомнѣнія обманетъ. Такихъ эксцентрическихъ дуръ, какъ Шейкина, всегда обманываютъ.

— Вы—злая!—смѣясь, замѣтилъ я.

И дѣйствительно, мнѣ показалось вдругъ, что она злая, даже больше—глупая, пустая. Какъ будто въ эти четыре мѣсяца она утратила то, что всегда прельщало меня въ ней: простоту, искренность и чистоту мысли.

Она взглянула на меня и опять засмѣялась такъ же звонко и неудержимо, какъ при встрѣчѣ.

— Какой вы... кислый!.. Ахъ, Боже мой! Какая я эгоистка, да и вы тоже хорошъ!—вдругъ спохватилась она.—Что же вы не скажете мнѣ, какъ ваше здоровье? Я все время готовилась при встрѣчѣ первымъ долгомъ узнать о вашемъ здоровьѣ. Что голова? Круженій нѣтъ?

Я сталъ рассказывать ей о горахъ, охотѣ, водопадахъ, о калмыкахъ, но она какъ то невнимательно слушала меня и часто перебивала ненужными рассказами о себѣ, о городѣ, объ офицерикѣ Стрѣльникомъ. Называла меня „воздушничкомъ“...

Я шелъ молча, сердясь и на нее, и на себя. А когда около крыльца мы подали другъ другу руки, условясь вечеромъ сойтись на Большой улицѣ или въ кинематографѣ, мнѣ вдругъ подумалось, что я долженъ ей сказать что то важное и неотложное. Я держаль ея руку и вспоминаль.

— Что вы?—спросила она.

— Да вотъ... что то хотѣль сказать вамъ, да забыль.

— Ну, ладно, послѣ... вечеромъ,—проговорила она, отнимая руку.—А теперъ...

Она побѣжала по ступенькамъ лѣстницы, глухо топоча резиновыми калошами, и съ площадки звонко и задорно бросила:

— Вспомните же!.. Обязательно!

Съ этого и начались у меня тѣ исканія и догадки, которыя такъ часто начали укладывать меня въ постель съ головной болью, и—вмѣстѣ съ тѣмъ—создалась какая то путаница вопросовъ и недоумѣній.

Домой я пришелъ съ тѣмъ же чувствомъ и долго ходилъ изъ угла въ уголъ своей комнаты, вспоминая забытое.

Вечеромъ я сѣлъ писать письмо брату. Я перечеркивалъ написанное, рвалъ и писалъ снова. Наконецъ, дошелъ до раздраженія, бросилъ перо и снова сталъ ходить по комнатѣ, составляя письмо въ умѣ. Но, при всемъ стараніи, оно все-таки не составлялось. И вдругъ мнѣ показалось, что и въ этомъ письмѣ я долженъ написать то забытое, что терзало меня всѣ эти дни.

Меня стало интересоватъ и пугать это забытое.

До мельчайшихъ подробностей я вспоминалъ весь разговоръ съ Ниной, доискиваясь своей потери. И, вспоминая, вдругъ открылъ, что Нина за эти мѣсяцы нашей разлуки—опошлѣла.

Показалось, что Нина такая же вертлявая, исковерканная пошлымъ рутиннымъ правиломъ „а что скажутъ“, скрытая въ желаніяхъ и чувствахъ.

— Не изѣдена ли этой молью условности и ея любовь—этотъ краеугольный камень, составляющій смыслъ и божество человѣческой жизни?—спрашивалъ я себя.—Человѣкъ! Царь природы!.. Какъ тоскливо и насмѣшливо звучать эти высокопарныя слова, если-бы ими назвать Нину!..

Почему-то подумалось, что Нина страшно напоминаетъ какого-то ошипаннаго, замореннаго звѣрка, который сидитъ за рѣшеткой въ звѣринцѣ и, дрессированный, выполняетъ заученныя движенія по приказанію человѣка—дрессировщика.

— Легко сказать,—думалъ я потомъ, стараясь доказать самому себѣ противное своего вывода:—дѣвушка, которую я люблю, которая нисколько не хуже другихъ красивыхъ и умныхъ дѣвушекъ города, вдругъ опошлѣла и потеряла въ моихъ глазахъ тотъ идеальный образъ, которымъ бредилъ я!..

Я вспомнилъ, что въ кинематографѣ меня ждетъ Нина.

И когда я одѣлся и подошелъ къ двери, мнѣ не захотѣлось идти къ ней.

— Итти и мять собственную душу, чтобы примириться съ пошлостью?

Съ этой тяжелой мыслью я долго ходилъ, толкаясь въ толпѣ гуляющихъ, по Большой улицѣ; я слышалъ ихъ смѣхъ, слова, восклицанія, но чувствовалъ себя одинокимъ и чужимъ всему. По улицѣ скользили санки съ толстыми кучерами, на большихъ рысистыхъ лошадяхъ; богато одѣтые люди казались не живыми красивыми куклами, безъ воли и желанія. На вывѣскахъ кинематографовъ горѣли разноцвѣтные огни; гдѣ-то играла музыка; слышалось плаксивое завываніе вѣтра, запутавшагося въ телефонныхъ проволокахъ.—И все это мнѣ было чуждо и не нужно.

Мой мозгъ буравили вопросы: гдѣ истинное оправданіе жизни?.. Неужели въ томъ, чтобы ѣсть, пить, спать, говорить о томъ, что такъ не важно? Вѣдь то, что я вижу написано въ календарѣ: спитъ человѣкъ—въ своей жизни столько-то лѣтъ, говоритъ—столько то, ѣсть—столько-то...

Какъ несложна и убога содержаніемъ жизнь человѣка.

А для чего-же стоитъ дрессировщикъ? Неужели для того, что-бы махать кнутомъ сигналы, по которымъ человѣкъ долженъ выполнять номера своего нехитраго репертуара?..

И опять мнѣ показалось, что сейчасъ я вспомню забытое, потому, что оно такъ не похоже на все то, о чемъ я думалъ; оно такъ было бы кстати именно теперь, чтобы озарить сумракъ моихъ думъ. Но я вспомнить все-таки не могъ.

Около вечера слѣдующаго дня я сидѣлъ у магазина купца Зулина. Смотрѣлъ на прохожихъ, шурился навстрѣчу блестящему надъ крышами города солнцу и вздрагивалъ отъ холода.

Я былъ спокоенъ. Вопросы и настроенія прошлаго дня не мучили меня, и я думалъ объ Алтѣ.

Вскорѣ подошелъ Ваня, красивенькій и пылкій юноша—телеграфистъ.

— Сколько зимъ, сколько лѣтъ! — затараторилъ онъ,

приближаясь ко мнѣ, по обыкновенію, въ развалку, купеческой походкой, и снимая на пути перчатку.—А мы думали, что ты гдѣ нибудь въ пропасть тамъ свалился: этакъ, знаешь-ли, головка,—онъ покрутилъ около головы пальцемъ,—и бухъ въ преисподнюю!—Ну, какъ здоровьишкомъ, а?

Онъ взялъ меня подъ руку и повелъ.

— А у насъ, знаешь, новость: Шейкина съ артистомъ сбѣжала.

— Слышалъ...

— Да неужели? Отъ кого? Небойсь, отъ Нины?

— Да.

— Ахъ, какое горе! А я думалъ, что я первый повѣдаю тебѣ объ этой новости. Ахъ, мара-кера, кера-мара! Ну, это пустяки въ сравненіи съ вѣчностью.

— Пустяки,—улыбаясь, согласился я. — Но поступокъ Шейкиной все-таки мнѣ нравится.

— Да неужели? Почему?

— Потому, что это все-таки демонстрація противъ дрессировщиковъ...

— Какихъ „дрессировщиковъ?“—встревожился Ваня.

Разговаривая, мы долго бродили по улицѣ. Вспыхнуло электричество, рѣзнувъ глаза острымъ блескомъ; зазвенѣли стеклянные двери кинематографовъ, пропуская публику. Опять запрыгали, какъ всегда вечеромъ, по улицѣ богатые санки съ широкими кучерами. И улица мало-по-малу ожила и зашумѣла трескотней говора, смѣха и топота ногъ о деревянный настилъ тротуара. Въ одномъ мѣстѣ какой-то пьяный мастеровой тащилъ куда-то дѣвушку съ „Песковъ“. Дѣвушка упиралась, протестовала и грустными, полными стыда, глазами смотрѣла на публику. Около нихъ сгрудилась толпа. Слышались возгласы возмущенія и смѣхъ, но никто не приступалъ къ парню, чтобы освободить дѣвушку. Иные брезгливо отворачивались отъ нихъ, посылали грязные эпитеты по адресу собравшейся толпы, и шли дальше.

Въ толпѣ я увидѣлъ Нину. Она шла подъ руку съ какимъ-то офицеромъ. Проходя мимо, она точно невзначай взглянула въ мое лицо.

Какая то, какъ мнѣ показалось, злоба перекосила тонкія черты ея лица, и она, отвернувшись, чему-то искусственно-звонко засмѣялась.

— Что съ нею?—подумалъ я.—Неужели на меня злитъ, что я не пришелъ вчера? Или такъ возмущена сценой парня съ дѣвушкой?..

— Пойдемъ. Наплюй,—тянулъ меня отъ толпы за рукавъ Ваня.—Перемелется—мука будетъ. Обстоятельства сложившихся обстоятельствъ, и все тутъ... Ха, ха, ха!

Его смѣхъ непріятно рѣзнулъ мою душу.

Когда Нина во второй разъ поровнялась съ нами, я приподнялъ шапку и поклонился ей. Офицеръ быстро взглянулъ на меня и тотчасъ же отвернулся. Нина-же, какъ-бы не замѣтила моего поклона и, скользнувъ глазами мимо, замѣшалась въ толпѣ.

— Желаю успѣха!—бѣшено сказалъ я. — Флиртуйте на здоровье.

Мы вошли въ билліардную.

— Ты не забылъ, — сказалъ мнѣ Ваня, натирая кій мѣломъ:—мы будемъ называть шары своими именами. Всѣ тѣ—наши коллеги, а этотъ—начальникъ, господинъ Високосный... Пусть хлещетъ ихъ въ усь и въ рыло... Ха-ха-ха!..—Онъ засмѣялся и со смѣхомъ разбилъ пирамидку.—Лупи!..

Я выбралъ шаръ, удобно лежащій въ углу, и съ перваго раза положилъ его въ лузу.

— Дѣльно, кера-мара!—одобрилъ Ваня.—Кузьмина ухлопалъ. Небось Високосный всѣхъ ухлопаетъ!

У меня не было сегодня интереса къ игрѣ. Я началъ ее только для того, чтобы разсѣять свою злобу противъ Нины. Мнѣ показалось, что она съ офицеромъ смѣется надо мною и готовитъ какую-то каверзу. Но игра затянулась. И странно, чѣмъ больше мы играли, тѣмъ яснѣе я видѣлъ въ этихъ шарахъ лица тѣхъ служащихъ и чиновниковъ, именами которыхъ они назывались: сморщенный Клячкинъ, толстый Зубко, всегда элегантный Грифъ, Обузовъ, Алехинъ; а во главѣ ихъ—хмурый, съ нависшими черными усами и въ пенснэ на носу, самъ Високосный. Сослуживцы ужасно гримасничали отъ боли и катились въ углы; дѣлали

дуплеты, вертѣлись и, точно осчастливленные прикосновеніемъ начальства, падали въ лузы и умирали тамъ.

— Бѣдные!—шепталъ я, но все-таки билъ ихъ хмурымъ Високоснымъ въ затылки, въ глаза, во лбы. По временамъ даже казалось мнѣ, что на ихъ кожѣ показывались капли крови, а въ глазахъ выступали слезы.

Мнѣ сдѣлалось невыносимо тяжело и, недоигравъ партіи, я бросилъ въ уголъ кій и вышелъ.

— Куда ты?—растерянно спросилъ Ваня.

Я, не отвѣчая ему, надѣлъ пальто и выбѣжалъ на улицу.

— Господи!—думалъ я, торопливо идя по какимъ-то незнакомымъ улицамъ:—что это со мной дѣлается?

Я остановился около Васильевской церкви и тогда только узналъ, куда я забрелъ. Здѣсь жилъ мой дядя, чудакъ и пьяница, псаломщикъ этой церкви, Иванъ Никифоровичъ. Онъ помѣщался на чердакѣ большого дома и слылъ философомъ и книжникомъ.

По темной лѣстницѣ я зашелъ на самую верхнюю площадку и, нащупавъ тамъ скобку двери, дернулъ за нее. Дверь была заперта, и я постучалъ кулакомъ.

— А-а!—радостно протянулъ дядя, увидѣвъ меня.—Костя Петровичъ! Влазь, влазь! У меня тепло сегодня.

Онъ засуетился, забѣгалъ по своей каморкѣ; схватилъ съ окна толстую черную бутылку съ вставленнымъ въ пробку пульверизаторомъ и началъ спрыскивать углы каморки. Запахло карболкой.

Обстановка комнаты имѣла самый жалкій, нищенскій видъ: около двухъ стѣнъ стояло два большихъ товарныхъ ящика, которые служили ему кроватью и шкафомъ; въ послѣдній складывалось бѣлье, книги, водка и пиво; тамъ же хранились старые отопки, клочки изношенной одежды, краюшки хлѣба, колбаса и обрѣзки соленыхъ огурцовъ. Вмѣсто стола стоялъ такой же ящикъ, но обитый дешевой клеенкой. На немъ въ порядкѣ лежали книги, брошюрки и тетради. Въ переднемъ углу висѣла маленькая иконка „Моленіе о чашѣ“ и передъ нею тлѣла лампадка, распространяя вмѣстѣ съ карболкой запахъ масла. За ящикомъ—шкафомъ видна ниша заколоченной и заклеенной темными, какъ и

вся комната, обоями—двери. Изъ-за нея слышался говоръ и смѣхъ и временами тихое треньканье балалайки.

— И прекрасно, и прекрасно, Костенька! Зашелъ навѣститъ Диогена—хорошее дѣло,—говорилъ дядя, шипя пульверизаторомъ.—А я, знаешь-ли, немного воздуси поочищу, больно ужъ кабакомъ претъ... Ну, какъ наши горы? Родимыя горы! Небось, все такъ же стоятъ и не корятся чело вѣку? Спасибо имъ, не сдаются. Но, я боюсь вѣрить, ощи плетъ ихъ цивилизация, какъ курицу; сроешь сопки, сдѣлаешь груды развалинъ. А-съ?

— Не знаю.

— Духъ Горъ! Духъ Горъ! Да, силенъ Духъ Горъ, но человекъ сильнѣе его. Сильный врагъ—человекъ. Знаешь: я гдѣ-то читалъ или видѣлъ во снѣ—не помню, что Духъ Горъ—это слѣпая воля Бога, безпричинная. Духъ Горъ это твореніе Его въ общей суммѣ твореній, а разумъ человека, разумъ предъ которымъ склоняются небеса—это Его всевидящая воля.—воля, которой Онъ видитъ и творитъ въ нѣчто гармоническое то, что Имъ въ поспѣшности сотворено было хаотически. Да! То-есть переустройстваетъ... творенное... Но я этому не вѣрю...

Онъ замолчалъ и встряхнулъ для чего то подушку, точно собираясь лечь.

Я не понялъ, что онъ сказалъ. Мнѣ показалось, что онъ пьянъ, и чтобы не молчать, спросилъ его:

— А самъ служишь Богу?..

— Я? Нѣтъ!.. Это одна видимость, какъ говорятъ купцы. Я служу не Ему, а Гимну Христа... Ахъ, какое счастье служить Христу и прославлять Его имя! Это—поэзія! Вообще религія, основанная на христіанствѣ, на любви—это поэзія!

Въ это время за стѣной что-то со звономъ упало, и вслѣдъ раздался дружный хохотъ.

— Шумятъ!—улыбнулся Иванъ Никифоровичъ, кивнувъ на заколоченную дверь.—Такая славная семейка живетъ тамъ.

— Кто?

— Штукатуръ какой-то. Каждый почти вечеръ у него ктонибудь да есть, и все съ семьями, съ женами и дѣтьми.

Разсуждаютъ о коровахъ, немного о политикѣ, а больше всего объ аэропланахъ... Славная семья, веселая... Ахъ, Боже мой!—вдругъ вскрикнулъ Иванъ Никифоровичъ.— Что-же я? Въѣдъ гость! Угостить надо, а я...

Онъ сорвался съ мѣста и, хлопнувъ дверь, побѣжалъ на лѣстницу.

Я подошелъ къ столу и сталъ перебирать книги: Евангеліе, Л. Толстой, Фаустъ и много другихъ тяжелыхъ книгъ съ подписями Ивана Никифоровича: тутъ же книги со штемпелями общественной библіотеки: „Черныя Маски“ Андреева, томикъ Гаршина и какой-то декадентскій альманахъ. Все это, или почти все, я видѣлъ когда-то, даже читалъ и думалъ надъ ними.

Тутъ же лежала какая-то записка или замѣтка написанная рукой псаломщика. Почеркъ былъ неразборчивый, угловатый и дрожащій, какъ у пьянаго или старика.

— „Хожу по комнатѣ взадъ - впередъ, взадъ - впередъ,—невольно прочиталъ я первыя строки.—У меня всегда выходитъ три большихъ шага и одинъ маленькій... И думаю, что“...

Мнѣ вдругъ стало невыносимо скучно, и невольно подумалось:

— Въ горы бы!..

И эта мысль, родившаяся какъ-то внезапно вдругъ, какъ молнія, ослѣнила и опалила мое сознаніе.

Я остановился передъ дверью и сказалъ:

— Въ горы! Въ горы!..

Растворилась дверь, и Иванъ Никифоровичъ, внося нѣсколько бутылокъ пива, удивленно протянулъ:

— Чего-о?

— Въ горы хочу я снова!.. Тошно мнѣ въ городѣ!

Онъ поставилъ на столъ бутылки.

— Я думалъ: одинъ я сумасшедшій, не запертый подъ замокъ, а оказывается еще и ты...

— Почему?

— Да ужъ такъ!.. Такъ думаютъ люди, такъ думаю и я...

Онъ подумалъ съ минуту и заговорилъ своимъ странно-книжнымъ языкомъ:

— Если мало-мальски культурный человекъ, послѣдняя спица въ колесницѣ прогресса, вдругъ откажется отъ своей работы и бѣжить отъ людей—онъ сумасшедшій. Да и какъ-же иначе,—развелъ руками Иванъ Никифоровичъ:—съ одной стороны: книги, театръ, электричество, красивыя женщины, съ другой—черная тьма ночи, дикія пустыни, дикіе звѣри, мрачныя пропасти, невѣжественные грубые люди, не имѣющіе понятія о словѣ „мораль“... Какъ-же? На каждомъ шагу—смерть, здѣсь—жизнь. Тамъ отсутствіе личности, ума, таланта, здѣсь—тріумфъ и слава... Какъ-же? Но это еще пустяки!..

Я смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ Иванъ Никифоровичъ, и въ моихъ глазахъ съ каждымъ мгновениемъ все больше и больше фигура его выросла въ нѣчто огромное, строгое, угрожающее, точно онъ былъ кошмарный бредъ, сильный и ужасный, захватывающій мое сознание.

Говорилъ онъ твердо и сильно, и голосъ его звенѣлъ какъ металлическій.

— Жизнь—это стремленіе вдаль и ввысь,—лились стальные слова Ивана Никифоровича.—Борьба, страданіе, счастье, все это надо для жизни. Всѣ мы: ты, я, миллионы заглавныхъ „Я“,—всѣ, не сознавая того, стремимся къ разгадкѣ жизни, къ разгадкѣ того начала, откуда родилось раздѣленіе человека съ Богомъ и животнымъ!... Преступно, до ужаса преступно, стоять на одномъ мѣстѣ, а тѣмъ болѣе пятиться къ инстинкту первобытнаго человека! „Въ горы!“—развѣ это не пощечина разуму?..

Вдругъ лицо Ивана Никифоровича озарилось мягкой, страдальческой улыбкой. Онъ подошелъ ко мнѣ и положилъ руку на мое плечо.

— Милый, Костя! Прости меня, ради Христа!—сказалъ онъ:—не вѣдаю бо, что творю! Не слушай меня дурака. Злоба, пойми—злоба противъ собственнаго безсилія кричить во мнѣ, а не я. Я такъ же, какъ и ты, тоскую по моимъ милымъ горамъ, но не могу стряхнуть со своей души осадокъ книжной мудрости и—гнию. Гнию и—не могу. Дѣлай, какъ знаешь!..

Онъ налилъ въ стаканы пива и одинъ изъ нихъ, съ судорожной поспѣшностью, выпилъ.

— Давай пей!—Лечись отъ недуговъ культуры!..

Была полночь. Усталый, измученный новыми переживаниями, набродившись изъ конца въ конецъ Большой улицы, я пришелъ въ свою комнату и, не раздѣваясь, бросился въ кровать. Въ окно свѣтила луна, кладя мѣловой путь вдоль стѣны къ косяку двери, гдѣ стоялъ чемоданъ, и висѣла одежда. Въ домѣ всѣ спали. За перегородкой приказчикъ—нахлебникъ что-то шепталъ въ бреду, точно задышался, шлепая губами. Я на мгновенье закрылъ глаза. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то дотронулся до моего плеча и позвалъ меня. Я взглянулъ, и взглядъ мой упалъ въ тотъ уголокъ, освѣщенный луной, гдѣ лежалъ чемоданъ. Тамъ стоялъ темный человекъ съ ужасно длинными руками, коренастый, обросшій шерстью и весь обвѣшанный какими-то зелеными водорослями или травой. Человекъ походилъ на орангутанга, но я зналъ, что это человекъ, и что онъ пришелъ ко мнѣ говорить по какому-то важному, неотложному дѣлу. Я тотчасъ-же спросилъ его:

— Что нужно?

Онъ качнулся всѣмъ корпусомъ ко мнѣ. Вѣроятно онъ хотѣлъ поклониться, какъ это дѣлаютъ воспитанные люди, но поклонъ его вышелъ смѣшнымъ, и я засмѣялся.

— Тебѣ хочется должно быть поугаать меня,—сказалъ я на его молчаливый поклонъ.—Но я нисколько не боюсь тебя. Кто ты?—Опять—смѣшной поклонъ.

И дѣйствительно, въ моей душѣ не было страха. Мнѣ было весело, и я хотѣлъ, чтобы и этотъ человекъ былъ веселъ и разговорчивъ.

— Вѣдь я знаю тебя,—сказалъ я наугадъ.—Вѣдь ты—Духъ Горъ. Правда?

Онъ наклонился.

— Ну вотъ, видишь! Иди сюда, поговоримъ,—предложилъ я.

— Ничего. Я тутъ... посижу,—отвѣтилъ онъ почтительно, и стыдливо опустилсѣ на чемоданъ.—Ничего, спасибо!..

— Какой-ты конфузливый!

— А живемъ въ лѣсу, молимся колесу... Народа не видавши.

Я хотѣлъ вѣрить, что это не Духъ Горъ, а одинъ изъ „поляковъ“—старообрядцевъ, переселившихся на Алтай въ Никоново гоненіе.

— Мнѣ кажется, что я гдѣ-то встрѣчалъ тебя,—спросилъ я

— А какже... Тама, знаешь, на охотѣ-то?

— А-а! Помню... Помню.

И я вскочилъ съ постели, какъ ужаленный:

— „Такъ вотъ, что я позабылъ и такъ настойчиво вспоминалъ“!

— Пойдемъ!

— Куда?—удивился я.

— А въ горы-то! Тама хорошо теперича. Снѣга во какіе! Въ чернѣ саженъ на пять, пихты засыпаютъ. Волки, зайцы... на лыжахъ любо. Пойдемъ!

— Глупый же ты,—улыбнулся я.—Какъ же такъ сразу: всталъ и пошелъ?

— А чего еще?

— Надо обдумать.

— А ты не думай. Думать будешь—хуже.

Онъ протянулъ длинныя руки и сжалъ кулаки:

— Я блазнить буду!

— Блазнить?

И мгновенно по моему тѣлу разлился какой-то непонятный ужасъ. Я хотѣлъ встать, крикнуть, бѣжать въ другую комнату, но ужасъ ковалъ мои чувства и туманилъ разумъ, и я не могъ ни встать, ни крикнуть.

Казалось, что я лишаюсь разсудка: мысли тухли при самомъ появленіи, или летѣли изъ головы и метались изъ угла въ уголъ, а Духъ Горъ ловилъ ихъ и пряталъ въ складки травяныхъ одеждъ, и отнималъ мой разумъ... Казалось, что земля колетъ безшумно и тихо, какъ какая-то упругая масса, и мое тѣло, придавленное чѣмъ-то страшно тяжелымъ сверху, на волнообразномъ туманѣ медленно погружается въ отверзшуюся пасть земли.

— Это—Сосѣдко,—думаю я, вспомнивъ рассказы дере

венскихъ бабъ, какъ ночами ихъ давить домовой; и чтобы не забыть тотчасъ же мысленно спрашиваю:

— Къ добру или худу?

— М-м-бр-р-ру-у!..

Отъ собственнаго стона я проснулся.

Всталъ. Луна также ярко освѣщала уголь и стѣну комнаты, какъ сначала. Чемоданъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, и на немъ никого не было. По всѣму тѣлу выступилъ холодный потъ. Освѣтивъ лампой комнату, я началъ тщательно изслѣдовать тотъ уголь, гдѣ былъ Духъ Горъ, въ надеждѣ на то, что страшнымъ призракомъ могла показаться какая нибудь одежда. Но стѣна была голая, освѣщенная луною, и пальто, которое постоянно висѣло тамъ, было на мнѣ.

... У меня была тайна. Кто знаетъ, что я приобрѣлъ такое вниманіе бога горъ, что каждую ночь онъ является ко мнѣ и бесѣдуетъ о томъ, что больше всего меня интересуешь, и что составляетъ мой покой и твердость духа? Правда, я поддаюсь его вліянію, но онъ совсѣмъ не страшный и не грубый, а простой, тихій и любвеобильный, такой, какихъ я люблю среди людей.

Мнѣ говорили, что я блѣдный и постоянно задумываюсь. Но вѣдь это же въ порядкѣ вещей: я думаю о томъ, о чемъ мы говоримъ съ Духомъ Горъ. Онъ такъ умѣло, по „полятеки“, говоритъ объ охотѣ и о звѣряхъ, о томъ, какъ растутъ кедры и шумятъ камни, какъ поетъ осенью мараль и прыгаютъ черезъ пропасти дикія козы.

Я пробовалъ объ этомъ заговорить съ Ваней, но онъ сначала захохоталъ, приговаривая: то—„обстоятельства сложившихся обстоятельствъ“, то—„кера-мара, мара-кера“, а потомъ сталъ заглядывать въ мои глаза съ какимъ-то не то удивленіемъ, не то испугомъ и, въ концѣ концовъ, спѣшилъ раскланяться.

А мнѣ было смѣшно, что онъ убѣгалъ отъ меня, такъ неожиданно, точно испугавшись. Да и вообще мнѣ стало смѣшно смотрѣть и слушать болтовню моихъ знакомыхъ, которой они терзаютъ нервы и царапаютъ другъ другу

слухъ... Какъ будто всѣ они сговорились не жить, а только говорить, бѣгать, махать руками и умирать, притворяясь что все это для нихъ дорого и составляетъ подлинную жизнь.

Однажды Ваня попросилъ меня зайти съ нимъ къ доктору и подождать въ пріемной, пока тотъ выслушаетъ его. Докторъ выслушивалъ его не долго. Я слышалъ, что Ваня что-то говоритъ ему и иногда въ разговорѣ упоминаетъ мое имя. Докторъ глубокомысленно покрякивалъ и, наконецъ, оба они вышли въ пріемную. Къ моему удивленію докторъ, улыбаясь, подошелъ ко мнѣ и поздоровался, пожимая и тряся руку, какъ хорошо знакомому. Онъ говорилъ, что съ братомъ моимъ Павломъ они дружили еще въ гимназіи, но мнѣ показалось это сомнительнымъ, и я насторожился.

Онъ заговорилъ что-то о каткѣ и о погодѣ, спрашивалъ меня о Павлѣ, и въ заключеніе предложилъ меня осмотрѣть и выслушать... Я согласился, такъ какъ мнѣ было безразлично. Онъ старательно остукалъ мою грудь и спину, помычалъ и, отвернувшись къ столу, сталъ писать рецептъ, а я, одѣваясь, приготовилъ ему деньги, которыхъ онъ не взялъ...

Утромъ въ слѣдующій день на телеграфѣ меня встрѣтили странно-недоумѣвающие взгляды сослуживцевъ.

— Костылевъ!—вскорѣ крикнули мнѣ.—Идите, васъ начальникъ къ себѣ просить.

Я всталъ и отправился въ кабинетъ начальника. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ и что-то насвистывалъ. Когда я вошелъ, онъ потянулъ усы, ужасно длинные и тонкіе, сдернулъ съ носа пенснэ, опять надѣлъ и затѣмъ пригласилъ меня сѣсть на стулъ.

— Вы звали меня?—спросилъ я, удобно усаживаясь на стулъ.

— Да, да. Простите, вы курите?

— Да.

— Пожалуйста.

Онъ подалъ мнѣ душистую сигару.

— Какой тонкій ароматъ, не правда-ли?

— Да, сигары хороши.

Помолчали.

— Видите-ли, я просилъ васъ... Иванъ Петровичъ говорилъ мнѣ, что, по свидѣтельству доктора, у васъ страшно разстроенъ организмъ и требуетъ упорнаго и долгаго лѣченія. Докторъ говоритъ, что у васъ неврастенія... Быть можетъ, но, кромѣ того, Иванъ Петровичъ замѣтилъ... Впрочемъ, это къ дѣлу не идетъ...

Я молчалъ и внутренно смѣялся, что Високосный, такой строгій, взыскательный начальникъ, а приступаетъ къ моему увольненію съ такими китайскими церемоніями.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ,—возьмите еще болѣе продолжительный отпускъ и съѣздите, ну, хотя бы... у васъ, вѣдь кажется, братъ гдѣ-то въ деревнѣ живетъ?

— Да. На Алтаѣ.

— Ну, вотъ, и прекрасно. Горы, тѣмъ болѣе. Такъ вотъ, потрудитесь написать прошеніе,—можно сейчасъ же,—и... мы устроимъ васъ, пока что, съ сохраненіемъ содержанья...

Я всталъ, поклонился и ушелъ. Тотчасъ же на листѣ линованной бумаги я написалъ прошеніе объ увольненіи меня со службы—по домашнимъ обстоятельствамъ, вручилъ его Ивану Петровичу и, точно сбросивъ со своихъ плечъ огромную тяжесть—покинулъ контору.

— Тѣмъ лучше!.. облегченно вздохнулъ я,—теперь я навсегда уѣду въ горы!..

Ст. Исаковъ.

